

новляя человеколюбие главным правилом в сочинении новых прав и законов для гражданских правительств, и утверждение самодержавной Вашей власти в свободе и преимуществе российского дворянства...»⁴ Это было именно то, что хотелось бы слышать императрице от подданных относительно своего труда. Такое определение пафоса «Наказа» ее вполне устраивало, и Воронцов хорошо это понимал: «Мне не остается ничего к сим мнениям моим присокупить, как Всевышнего непрестанно молить о сохранении дражайшего Вашего Величества здравия на неизчетные годы» (76), — заканчивает граф свой отзыв.

Совсем другой характер носило мнение о «Наказе» генерал-поручика А. И. Бибикова, человека решительного, хотя и дипломатичного, хорошо образованного, обладавшего острым пронизательным умом. Известно, что к работе над документами, связанными с подготовкой к созыву Комиссии, Бибиков был привлечен Екатериной II задолго до опубликования «Наказа». К тому же именно он, по настоянию императрицы, был избран маршалом законодательной Комиссии на одном из первых ее заседаний и в дальнейшем руководил ее работой. Естественно поэтому, что к апробации «Наказа» Бибиков был привлечен одним из первых. Его замечания касаются отдельных пунктов семи глав «Наказа», а также Инструкции генерал-прокурору, по поводу которой Бибиков и начинает свой отзыв: «В наказе генерал-прокурору, мнится, надобны объяснения, что́ закон государственный и что́ закон гражданский?» (Там же). По сути дела этой репликой Бибиков сразу указывал на главное слабое место «Наказа». В подготовленном Екатериной II проекте свода законодательных принципов, предназначенного служить обеспечению государственной стабильности империи и благополучию ее граждан, за разговорами (вслед за Монтескье) о равенстве всех перед законами интересы государства нередко противопоставлялись интересам отдельной личности, а иногда последним фактически отдавалось предпочтение. На неясность и вытекавшую отсюда непоследовательность позиции автора «Наказа» и обращает постоянно внимание Бибиков. Так, к главе IV «О хранилище законов», где таковым объявляется сенат и вслед за этим говорится о «государственных членах», учреждаемых для наблюдения за соблюдением законов, Бибиков резонно замечает: «Ежели сенат — хранилище законов, то какие могут быть еще государственные для того члены?» (Там же). Тезис, заявленный в главе VI «О законах вообще» — «...что не все пороки политические суть пороки моральные, и что не все пороки моральные суть пороки политические» — Бибиков сопровождает язвительной репликой:

⁴ Сборник русского исторического общества. Т. 10. С. 76. Далее ссылки на опубликованные в этом издании отзывы и другие материалы даются в тексте.